

Николай Златовратский

Детство и первая школа

Детские и юные годы. Воспоминания 1845-1864 гг.

Николай Златовратский
Детство и первая школа

«Public Domain»

1908

Златовратский Н. Н.

Детство и первая школа / Н. Н. Златовратский — «Public Domain», 1908 — (Детские и юные годы. Воспоминания 1845-1864 гг.)

Николай Николаевич Златовратский – один из выдающихся представителей литературного народничества, наиболее яркий художественный выразитель народнической романтики деревни.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Николай Николаевич Златовратский

Детство и первая школа

I

Семейный уклад неизреченного благодушия и религиозно-семинарского романтизма.

Моя родина – один из небольших губернских городов близ Москвы, про который сложилась пословица: «N. городок – Москвы уголок». Когда-то игравший значительную роль в нашей истории, он ко времени моего рождения представлял собою лишь очень скромный административный центр, населенный исключительно чиновниками всяких рангов да некоторыми дворянскими родами и обслуживавшими их купцами и мещанами-ремесленниками; лишенный всякого промышленного значения, он мог гордиться только своими историческими древностями, по большей части религиозного характера, да вишневыми садами. Вот все, что оставила на его долю восторжествовавшая над ним Москва.

Мне говорили, что я родился в 1845 году в семье скромного молодого чиновника, отец и деда которого были духовного звания, а отдаленные прадеды были будто бы крестьяне. Родился я, как мне рассказывали, очень трудно, что матушка мучилась мною трое суток (что, впрочем, вполне естественно объясняется, так как я был первенец), что родовые муки ее достигли такой степени, что все окружающие пришли к решению обратиться к местному приходскому батюшке с просьбой прибегнуть к помощи высшей силы и отворить в церкви царские двери. Повидимому, это было исполнено, и роды совершились благополучно. Дальше говорили, что я родился «в сорочке»; что это за штука, я и до сих пор не могу объяснить себе хорошо, но я помню, что матушка эту «сорочку» хранила всегда в виде сверточка сухой кожицы в маленьком мешочке, показывала мне и говорила, что это моя «сорочка», в которой я родился, что это не со всяким бывает и что рождение в ней принесет мне счастье в жизни.

Затем первое, что у меня осталось в воспоминании из самых ранних детских лет, – это были неутешные слезы матери о потере двух родившихся после меня дочерей, которые, как уверяла меня мать, вскоре одна за другой «были взяты Богом на небо». Затем я уже вполне ясно представляю себя в сообществе третьей сестры под неуклонным присмотром матушки и старой прабабки (по дедушке-дьякону), высокой, сухой, необыкновенно подвижной и хлопотливой старушки с сухим лицом, на котором особенно выдавался подбородок в виде табакерки под ее носом. Очевидно, она производила на меня сильное впечатление, так как я представляю ее себе яснее, чем отца и мать в то время. И это понятно: отец был занят службой, мать хворала от частых родов, и «старая бабушка Катерина» являлась, стало быть, единственной деятельной, хлопотливой хранительницей домашнего очага и самой преданной моей нянькой. Прежде всего представляется она мне необыкновенно живым существом, постоянно кого-то защищавшим, кого-то примиряющим (особенно в отношениях моей нервной матери к грубоватой свекрови, а следовательно, между матушкой и отцом). Затем почему-то я всегда воображал ее «знающей все», даже по книжной части. Впоследствии мне передавали, что, когда она жила в деревне, она славилась как «начетчица» и «подвижница», ее приводили в пример, как необыкновенно сурового стойка, что она могла проводить на молитве целые дни и ночи, питаясь исключительно просфорой в день. Одним словом, о ней ходила легенда. Насколько я помню, я был всегда проникнут необыкновенным к ней уважением, соединенным как бы с некоторым религиозным страхом.

Все это, однако, рисуется мне в очень смутных и неопределенных очертаниях. Еще задолго до поступления моего в гимназию мне вспоминается она сидящей в больших очках и что-то внятно, слово за словом, читающей мне и матушке по какой-то, несомненно, «божественной» книге, а затем она как-то исчезает из моего воспоминания; повидимому, она вскоре умерла, и не в нашем доме. По крайней мере похорон ее я не помню.

Помню, что другим наиболее близким моей душе существом в то время был мой добродушный дед, низенький, худенький старичок, служивший дьяконом в церкви при одном историческом здании. Может быть потому, что я у него был первый «внучок», он ходил очень часто забавляться со мною в наш маленький домик на окраине города, игравший в моей дальнейшей судьбе такую видную роль.

Следующим затем наиболее ярким фактом, оставшимся в моем сознании, было появление в нашем доме семинаристов. Первым нахлебником, принятым к нам, был дядя Сергей (по матери), которого я в то время представляю себе не иначе как в виде необыкновенно длинной, сутуловатой фигуры с смуглым лицом и темными волосами, мало разговорчивой, несколько даже суровой, ходившей еще в длинном синем халате на манер подрясника (в такой «форме» семинаристы ходили еще в то время и в классы). Все его значение для меня в первое время ограничивалось пока, с одной стороны, клеением для меня, да столь же, пожалуй, и для себя, разнообразных змеев, и иногда необыкновенно больших, запускавшихся даже с горящими фонарями, и играньем в городки и бабки (все это производил он с необыкновенной серьезностью), с другой стороны – тем сильным впечатлением, которое производила на меня полка в его очень маленькой комнатке (называвшейся «семинарской»), которая с каждым годом все больше и больше пополнялась стопками тетрадок, заключавших в себе так называемые «задачки» (классные сочинения); к этим «задачкам», написанным на разнообразные риторические (он был тогда еще в классе риторики), а затем и философско-богословские темы, я впоследствии относился не иначе как с величайшим уважением, хотя я в них, конечно, и не заглядывал еще тогда.

В то время я только что приступал к учению грамоте. По тогдашнему обычаю, матушка вместе с прабабкой купили азбуку и указку и вместе со мною пошли в церковь отслужить молебен пророку Науму («пророк Божий Наум, наставь младенца на ум» – молились тогда); по возвращении, всё с молитвой, сдали меня буквально с рук на руки (так как мне было тогда не больше 6 – 7 лет) учителю, такому же высокому, черноватому и мрачноватому семинаристу, как и мой дядя, который уже ожидал нашего прихода из церкви.

Мой первый учитель, несмотря на его суровый вид и на то, что он был уже «философ» (по семинарии), был очень добродушный человек. Надо полагать, что я в то время был живой и шаловливый мальчик, так как помню, что, прежде чем начать со мной урок, мой учитель должен был предварительно разыскать меня или в саду, или на улице и затем уже с разными ласковыми уговорами нести на руках домой и посадить за азбуку. Кроме впечатления этого неизреченного благодушия, в моих воспоминаниях не осталось ничего более определенного о моем первом учителе. Но, может быть, для того периода моего детства и это было уже большим преимуществом, когда припомнишь, в каких еще невероятно грубейших формах шло в то время воспитание и самого моего учителя и моих сверстников из окружавших нас соседей. Мне уже тогда приходилось от этих сверстников узнавать, как горько многим из них давалась грамота, постоянно сопровождавшаяся драньем вихров, битьем линейкой, грубыми окриками и порοньем розгами и крапивой как со стороны учителей, так и со стороны самих родителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.